

Язык и этнос — одна из наиболее традиционных и в то же время дискуссионных проблем, когда-либо стоявших перед этнографической наукой. Не нова она и для лингвистов, которые со времен становления сравнительно-исторического языкознания уделяли определенное внимание не только языку, но и его носителям. На первых порах этот вопрос решался с наивной прямолинейностью: язык всегда отождествлялся с этносом. Позже более глубокое знакомство с реальной действительностью потребовало выработки нового, более гибкого подхода, однако еще сравнительно недавно многие авторы все же подходили к этому вопросу довольно поверхностно. Да и как могло быть иначе, если лишь немногие вплотную обращались к изучению социальных функций языка в конкретной обстановке?

Существенные сдвиги в этой области произошли в последние десятилетия, когда в составе лингвистики выделились два новых близкородственных направления: социолингвистика. Эти науки еще очень молоды, их теоретические установки и терминологический аппарат только формируются, а предмет исследования представляется не всегда достаточно четким. И тем не менее, как свидетельствует рецензируемая монография, они уже сейчас способны внести весомый вклад в науку.

Лейтмотивом книги служат взятые авторами в качестве эпиграфа слова выдающегося французского лингвиста А. Мейе о том, что язык развивается в социальной среде. Действительно, введение социального параметра значительно углубляет представления о языке, делая его более многообразным и, можно сказать, многомерным явлением. Но социальную среду можно понимать по-разному, и на этом основано разграничение этнолингвистической и социолингвистической проблематики. Первая, по мнению авторов, «ориентирована прежде всего на языковое выражение особенностей этнической духовной культуры...», а второе — «на языковое выражение различий между группами (слоями, классами)... в пределах некоторой этнической единицы или совокупности таких единиц» (с. 5). Думается, что эта характеристика не совсем полна и кое в чем может быть расширена. Так, задачей этнолингвистики более правомерно считать изучение характера самого использования языка разными этносами и отражения в языковых явлениях специфики культуры и социальных особенностей того или иного этноса. В целом соотношение между социолингвистикой и этнолингвистикой заключается, видимо, в том, что объект первой — общесоциологическое в языке и языковой среде, независимо от этнического фактора, а объект второй — особое, т. е. явления, порожденные именно этническим фактором. Вместе с тем, как справедливо указывают авторы, на практике эти аспекты далеко не всегда удается разграничить, в особенности если речь идет об обществах, подобных африканским, где отдельные социальные группы нередко имеют разное этническое происхождение. В частности, это нашло отражение в теоретической части рецензируемого издания, где исследователи уделяют внимание этнической ситуации (с. 26—33), и в самой направленности исследования, главную цель которого составляют анализ языковых процессов в современной Западной Африке в их прямой связи с этническими процессами и выработка прогнозов относительно судеб тех или иных языков в различных этнических средах.

Специфика Западной Африки состоит в том, что государственные, этнические и лингвистические границы здесь чаще всего не совпадают. Одна из главных причин этого, подчеркивают авторы, связана с наследием колониализма, однако, как представляется, корни сложившейся ситуации уходят глубоко в доколониальное прошлое. Эти обстоятельства заставляют искать особый подход к изучению среды бытования языка, и для ее анализа авторам приходится вводить новое понятие *коммуникативной среды* (КС), «которая определяется как исторически сложившаяся этносоциоязыковая общность, характеризующаяся относительно стабильными и регулярными внутренними коммуникативными связями и определенной территориальной локализованностью» (с. 9). КС состоит, как правило, из разных этнических блоков и лишь в виде исключения совпадает с единым этноязыковым сообществом. КС выделяется по коммуникативным признакам, и ее границы не совпадают ни с границами этнических единиц, ни с границами отдельных языков. На первый взгляд, понятие КС кажется несколько аморфным, но его умелое применение к конкретным ситуациям может, как демонстрируют авторы, привести к весьма существенным выводам. Именно оно позволяет не только уловить, но и, что много важнее, объяснить вариативность языковых явлений как в условиях бытования единого языка в многоэтнической среде, так и в обстановке использования нескольких разных языков в рамках одного этноса.

Так, исключительный интерес представляют собранные в гл. V данные о судьбах дисперсного языка фула, главными носителями которого являются фульбе, до сравнительно недавнего времени представленные преимущественно скотоводами-кочевниками. Отдельные группы фульбе живут изолированно друг от друга в иноэтничном окружении (причем отсутствует и какой-либо центр, к которому все они могли бы тяготеть). Этому соответствует разнообразие языковых ситуаций: от абсолютного доминирования языка фула у одних групп до его полной утраты у других. Но независимо от этого все фульбе отличаются высоким уровнем развития этнического самосознания, в основе которого, по мнению авторов, лежат особый образ жизни (кочевое скотоводство) и представление о наличии единоплеменников, обитающих в иных, самых разнообразных местах, пусть и весьма отдаленных. Ситуация усложняется тем, что в среде фульбе имеются иноэтнические сервилльные и ремесленные группы, утратившие родной язык и перешедшие на язык фула. В этих условиях создаются предпосылки для формирования новой этнической общности, обозначаемой термином «пулааку», охватывающим «фульбе-

ский мир» в целом, независимо от этнического происхождения отдельных его членов. Таким образом, «понятие „фульбе“, вопреки его узкоэтническому значению, начинает наполняться новым содержанием, важнейшим ингредиентом которого становится тождественность по языку» (с. 100).

Зато в ареале языка хауса этнические процессы не имеют столь же одностороннего характера. Если малые народы Нигерии, переходя на хауса, соответственно меняют и свое этническое самосознание, то фульбе Центральной Нигерии, несмешиваясь с хаусами, сохраняют прежнюю этническую идентификацию (с. 109).

Для характеристики КС исследователи разрабатывают детальную типологию, основными компонентами которой являются этнические, языковые и разнообразные социально-экономические и социокультурные параметры (гл. II). При всей ценности разработанной ими схемы некоторые возражения вызывает стремление авторов противопоставить этническую и языковую ситуации, играющие важнейшую роль в их исследовании, всем остальным (политической, экономической, социальной, культурной и т. д.), будто бы второстепенным (с. 38). На деле это ведет к обеднению исследования, так как сужает роль политических, экономических, социокультурных и других параметров в развитии социалингвистической среды и ее функционировании. Понятно, что в центре внимания авторов находятся языки как один из важных объектов изучения и этносы как носители языков. Однако все остальные факторы, которые авторы называют «внешними» (с. 38—46), формируют облик этнических общностей и устанавливают рамки и характер их функционирования, а также, что особенно важно, определяют, какие именно этносы, почему, в какой мере и как вступают между собой в контакт. Эти же факторы определяют и направление этнических процессов. Впрочем, авторы не претендуют на создание сколько-нибудь окончательной универсальной модели и отчетливо сознают необходимость ее дальнейшей разработки (с. 7), что потребует, по-видимому, некоторого смещения акцентов в соотношении указанных ими «компонентов коммуникативной ситуации».

Вместе с тем в ходе анализа конкретных явлений исследователи дают достаточно сбалансированную оценку разнообразных факторов. Они подразделяют Западную Африку на три социалингвистические зоны: внутреннюю (суданскую), береговую (гвинейскую) и среднюю (лесную) (с. 64). В каждой из этих зон в силу тех или иных исторических условий сложилась своя специфическая этноязыковая ситуация. В суданской зоне еще в доколониальный период возникла местная государственность с весьма своеобразным характером урбанизации. Здесь широко распространено двуязычие, и этническая дробность гораздо выше языковой. В качестве языков межэтнического общения в этом регионе выступают языки тех народов, которые составляли этническое ядро больших государственных образований и которые нередко являются референтной группой для более мелких иноэтничных групп (с. 68). В результате последние зачастую утрачивают свои прежние языки.

В береговой зоне доколониальные структуры были уничтожены или сильно деформированы в колониальную эпоху. Здесь недавно возникли крупные современные промышленные города и огромные плантационные хозяйства, ставшие центрами скопления значительного разноэтнического населения. Важным фактором было также возвращение сюда из Америки бывших рабов, утративших свой родной язык. Все это наряду с высоким престижем пропагандируемой миссионерами европейской системы образования ведет к распространению пиджинов и формированию на их основе креольских языков. Таким образом, в береговой зоне в отличие от внутренней языками межэтнического общения служат импортированные языки (с. 72).

Между внутренней и береговой зонами лежит промежуточная лесная зона, где, с одной стороны, не возникало средневековых государств, а с другой — меньше ощущалось влияние колониализма. В результате здесь отмечается сильная этноязыковая дробность, сохранение многих черт древнего образа жизни и традиционной культуры и высокая степень трибализма. Вместе с тем и в этой зоне межэтническое общение ведет к широкому развитию двуязычия. Однако в таких условиях наблюдается преувеличенное подчеркивание диалектных различий и нежелание признавать близкое родство соседних языков. Поэтому при межэтнических контактах предпочтение отдается пиджинизированным формам местных или импортированных языков.

Очень интересным представляется основанное на изучении ранних письменных источников предположение авторов о том, что в далеком прошлом на гвинейском побережье имелись коммуникативные среды именно лесного типа. Однако в дальнейшем возникла еще более сложная картина, когда «береговые» факторы наслонились на «суданские» (с. 75).

Скруплезно проведенное авторами исследование вводит в оборот новые, очень важные данные о роли языка в этнических процессах в различных районах Африки, которые до сих пор в этом смысле были известны нашей науке весьма мало. Некоторые выводы авторов по своему значению выходят далеко за пределы африканского материка и заставляют внести определенные коррективы в наши общетеоретические представления. Так, обычно считается, что наддиалектные кодифицированные формы языка складываются только с появлением письменности и это является важной предпосылкой этнической консолидации. Африканские же материалы показывают, что наддиалектные «стандартные» формы могут складываться и в условиях только устного функционирования языка. В ряде районов Западной Африки этому способствовала деятельность касты певцов-гриотов (с. 46). Этот факт заставляет по-новому взглянуть на роль устной эпической традиции в этнических процессах.

Таким образом, проводимые в настоящее время лингвистами исследования современных языковых ситуаций и процессов способны многое дать этнографам, позволяя

взглянуть на некоторые, казалось бы, традиционные проблемы под свежим углом зрения. Несомненно, сами лингвистические исследования в этой области могли бы стать глубже и четче, если бы лингвисты шире знакомились с достижениями этнографов. Это касается не только общетеоретических разработок и концепций, но и терминологии. Работа, безусловно, только выиграла бы, если бы вместо иностранных калек типа «сосьезитизация», «семейная резиденция», «маритальный принцип инцестифобии» и т. д. в ней использовались принятые в советской науке термины «социализация», «брачное поселение», «экзогамия» и т. д.

Итак, рецензируемое издание не только вводит в сборот новые важные факты, но и показывает, сколь много могут дать друг другу лингвисты и этнографы, как бы призывая к объединению усилий в решении сходных проблем.

В. А. Шнирельман